

Б.З. ДОКТОРОВ

МОЩНАЯ ВОЛЯ И МЯГУЩЕЕСЯ СОЗНАНИЕ

Мне представляется, что характеристики личности Бориса Максимовича Фирсова, вынесенные в заглавие, именно в таком необычном сочетании, ухватывают нечто ядерное, центральное в нем как ученом, гражданине и человеке. И я очень обрадовался, когда прочитал текст Владимира Александровича Ядова «Феномен Фирсова»¹. Ядов сказал то, что задумывалось и мною; но если он обозначил сам факт существования феномена и дал его микроописание, то мне хочется раскрыть внутреннюю природу этой сущности.

Ядов пунктиром прочертил жизненную траекторию Фирсова, я же постараюсь дополнить его текст своими впечатлениями и материалами трех интервью с Фирсовым, проведенных мною за последние пять лет [1–3].

В своих историко-биографических поисках я исхожу из того, что исследователь имеет право быть пристрастным; здесь и подавно буду таким.

37 досоциологических лет

1.

Как кратко обозначить продолжительность нашего знакомства и суть моего отношения к Фирсову? Ответ на первую часть вопроса таков: сейчас мне столько лет, сколько нам было вместе в год нашего знакомства. Ответ на вторую часть вопроса еще короче, он в моем обращении к Фирсову, уважительном и дружеском: «БМ». Я не знаю других случаев, когда в нашем профессиональном цехе к руководителю так обращался бы сотрудник много моложе его. Мне в жизни крупно повезло. Когда мы познакомились, жизненный опыт БМ был намного богаче, значительнее моего, его лидерские качества уже тогда были легендой в среде творческой интеллигенции и складывавшемся сообществе социологов Ленинграда, его понимание социально-политической ткани общества базировалось не только на прочитанном, но и на огромном практическом опыте. Но в общении с ним я никогда не чувствовал ни «начальственного начала», ни намека на наше возрастное различие. Кстати, в этом плане они с Ядовым очень схожи.

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь и консультант, США.

Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

¹ Текст опубликован в этом номере «Социологического журнала», с. 135-136. — *Прим. ред.*

Когда мы познакомились, я работал в Ленинградской высшей партийной школе. Естественно, что большинство моих коллег в недавнем прошлом занимали достаточно высокие позиции в партийном аппарате, да и оставались номенклатурой. Многие из них знали Фирсова по совместной комсомольской или партийной работе. В среде комсомольских и партийных функционеров (а БМ вышел из нее — тогда уже не только в переносном, но и в буквальном смысле) существовало множество баек о людях этой системы. Так, проректор Школы по общим вопросам (а подобные посты занимали люди почти всемогущие) сказал мне о Фирсове: «...так ты работаешь с Борисом? Поверь, если его попросить: “Старичок, надо бы передвинуть Исаакиевский собор на сто метров севернее...”, то он ответит: “У меня ближайшие три дня расписаны, но потом заходи — передвинем”».

Сначала была довоенная жизнь, простая семья, перенесенная новой жизнью из Сальских степей, где служил отец, в Ленинград. В 1938 году по доносу кого-то из бывших друзей отца арестовали. Били, потом отпустили «за недоказанностью состава преступления». Вскоре он умер. Потом — война. Девятьсот дней блокады, все ужасы осажденного города. Из воспоминаний БМ: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком. Учился в школе на одни пятерки» [1, с. 1]. Когда он поступал в Электротехнический институт им В.И. Ульянова (Ленина), мать сказала ему, чтобы в анкетах про арест отца не писал. Хорошо сделал, что не послушался.

Он и сейчас живет в той же небольшой квартире на Петроградской стороне, которую его родители получили в 1935 году. Занимая высокие посты, БМ многим помог улучшить жилищные условия, но для себя он этого не сделал.

Многие социологи, родившиеся в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов и имевшие гуманитарное образование, прошли через должности секретарей райкомов ВЛКСМ, руководителей комсомольских организаций университетов и институтов, различных предприятий. Уйдя из этой системы, они поступали в аспирантуру и начинали заниматься наукой. БМ тоже хотел уйти в науку, но ему не дали.

Фирсова — инженера-электрофизика, секретаря комитета ВЛКСМ престижного в те годы вуза, а затем и Петроградского райкома комсомола повышают — он становится секретарем Ленинградского обкома комсомола (1956–1959 гг.). В то время, в условиях политической «оттепели», возникали новые формы молодежной активности: фестивали, концерты, выставки, диспуты. Все это требовало внимания со стороны комсомольского вожака, многие обращались к нему за помощью в решении сложных проблем. Помогал, и это не забылось. Пройдут годы, и эта деятельность обернется глубоким уважением к нему Георгия Товстоногова и многих актеров БДТ и других

театров, писателей, музыкантов, артистов балета, киношников, композиторов, тех, чьи имена сейчас уже вошли в историю советской/российской культуры.

2.

Люди, в которых сочеталась мощная воля и прямолинейное сознание, те, кто не сомневался в правильности идеологических императивов КПСС и неукоснительно исполнял распоряжения вышестоящих партийных функционеров, были чрезвычайно востребованы во все периоды существования СССР. Их называли верными «солдатами партии». Наиболее способные, к тому же имевшие хорошую стартовую биографию, быстро росли, попадали в номенклатуру различного уровня и делали успешную карьеру. Уникальность жизненного пути БМ определяется, на мой взгляд, редкостью сочетания в нем мощнейшей установки на достижение и многогранной креативности со стремлением осмыслить: «надо ли нечто делать», «этично ли это» и «так ли я делаю». Он всегда старался быть честным перед собою.

При успешной работе с позиции секретаря обкома комсомола Ленинграда было два пути: в ЦК ВЛКСМ или на ответственную должность в партийном аппарате. БМ в тридцать лет становится первым секретарем Дзержинского РК КПСС; в соотнесении с географией Москвы — это район Садового кольца. В «его» районе были основные культурные центры города: Эрмитаж, Русский музей, Дом кино, Театральный институт; здесь же — творческие союзы писателей, журналистов... Ответственность — огромная. Поначалу его избрали «первым» лишь под давлением «верхов». БМ запомнился короткий разговор двух партийцев в темноте раздевалки: «Кого избрали “партийным вождем района?” — “Да этого сопляка из обкома комсомола!”». Что ему оставалось делать? Работать, завоевывать авторитет. Через год, когда его переизбирали, «против» был всего один голос.

Фирсова заметили, пригласили «поговорить» в ЦК КПСС. Приехал в Москву, приняли в большом кабинете, предлагали высокую партийную должность. Отказался. А утром, уже в Ленинграде, первый секретарь обкома напомнил ему, что такое партийная дисциплина: тем, кто отказывается от партийных поручений, не место в аппарате. Но отлучение растянулось на год: в 1961 году его избрали делегатом XXII съезда партии. Это было грандиозное событие. Форум проходил в только что выстроенном Дворце съездов: доклад Хрущева, принятие «Морального кодекса строителя коммунизма» и программы построения коммунизма в СССР к 1980 году... И одновременно — усиление борьбы с культом личности Сталина, решение о переименовании городов, предприятий, колхозов, названных в его честь, снятие памятников Сталину и вынос его тела из Мавзолея.

3.

Была в номенклатурной практике особая форма борьбы со строптивыми — отправить перспективного, но неуправляемого аппаратчика учиться в Москву, в Академию общественных наук. С одной стороны — ему светило продвижение, с другой — хоть на какое-то время «с глаз долой». А там... может, одумается. Предложили поучиться и БМ, сделать кандидатскую. Но он — школьный медалист и красnodипломник — ответил: если направят, завалит вступительные экзамены.

Не нужен он был партийному начальству, не такой он был, как надо. Вспомнили, что он технарь, и в 1962 году БМ стал директором Ленинградского телевидения. Ветераны ТВ называют те годы «золотыми».

Из интервью с БМ [1, с. 6–7]: *Скажу без обиняков — работать на телевидении было захватывающе интересно <...> Сеять разумное, доброе, вечное, творить и выдумывать было девизом людей, работавших на студии в то время и опиравшихся на поддержку самых широких слоев интеллигенции города.*

В итоге наиболее известные поэты <...> критически настроенные молодые писатели <...> писатели — представители старших возрастных когорт <...> были авторами, героями и участниками большого числа телевизионных передач. Самые громкие имена тогдашней театральной сцены <...> вступили в культурный диалог с телезрителями.

Предметом особых забот Ленинградского телевидения была великая русская и зарубежная литература <...> Покажу это на двух примерах. Один из них — передачи о Петербурге Достоевского. Их новаторство было в том, что до хрущевской «оттепели» имя Достоевского подвергалось остракизму <...> телевидение помогло вернуть писателя в прижизненную коллективную память не только ленинградской, но и советской аудитории.

Еще одно яркое событие — телевизионная экранизация книги Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей». <...> Для ленинградцев это было открытием тогдашней Америки, вызвало их громадный интерес, но одновременно в очередной раз «напрягло» цензуру.

Через некоторое время БМ «дымился» от партийных взысканий и выговоров. Работник он был отличный, потому его и терпели. Но не вечно же...

Точку во всем этом поставила передача «Литературный вторник» 4 января 1966 года о государственной политике непрерывного переименования населенных пунктов — когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства. Затем, если деятель оказывался «не тем», эти новые названия очередной раз менялись. Началось с академика Дмитрия Лихачева, который выступил в защиту культурной и языковой традиции

Петербурга, где власти изменили практически всю систему названий улиц и проспектов. Социолингвистическая дискуссия участников передачи — тогда все шло в прямом эфире — напрягла партийные власти. В итоге «Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу “Литературный вторник”, освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова <...> Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской литературы» [1, с. 7].

БМ: Одним из ведущих «Вторника» был Борис Вахтин, ленинградский прозаик, переводчик, китаист. Судьбе было угодно спаять узами крепчайшей дружбы нас двоих, дотоле незнакомых людей. Я и по сей день живу под знаком необыкновенной вахтинской личности, не в силах примириться с внезапной смертью Бориса в 1981 г. Быть свободным всегда! Этому я с опозданием научился у него [1, с. 8].

Исследователь телевидения и массового сознания

4.

Много лет спустя БМ рассказывал мне, что после изгнания с телевидения он несколько дней был «в транс», осмысливал прожитое, думал о будущем. Сразу было ясно одно: никакого возврата в партийную номенклатуру.

Одни советовали ему поучиться в Академии общественных наук и подготовить диссертацию о партийном руководстве телевидением, но это было для него абсолютно неприемлемым. Другие предлагали вернуться в институт, который он окончил и в котором его помнили, и стать преподавателем. Но для этого требовалось не менее пяти лет: два года на преодоление отставания в уровне профессиональных знаний и три — на подготовку диссертации. В 37 лет времени на раскачку у него не было, к тому же в нем крепко засел «вирус» телевидения, он чувствовал необходимость основательной перестройки ТВ.

Помогли друзья. Ядов, с которым он к тому времени был знаком многие годы, предложил поступить в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ и защитить кандидатскую диссертацию по социологии на основе изучения ленинградской телеаудитории. Решение начать снова учиться поддержали мудрая мама и Галя — умная и очаровательная жена. Не отвернулось от БМ и руководство Государственного комитета по радиовещанию и телевидению, уступившее ранее давлению обкома КПСС. Отправили запрос в Министерство высшего образования с просьбой найти возможность для стажировки БМ в Англии.

В развиваемой мною типологии поколений исследователей, частных к созданию современной российской социологии, есть

«странное» второе поколение, представители которого по возрасту (в среднем) лишь немного моложе «самых» первых, но являются их учениками. Причина такого парадокса в образовании этой профессиональной когорты коренится в ненормальности развития советской социологии, существовании «временной ямы», когда эта наука не развивалась и системы подготовки кадров не было. В ленинградской социологической школе ко второму поколению можно отнести, к примеру, Андрея Алексева, Якова Гилинского, Светлану Иконникову, Владимира Лисовского, Бориса Максимова, Эльмара Соколова. Осваивая азы социологии, они одновременно приносили в нее свой жизненный опыт и итоги наблюдений за многими сторонами жизни советского общества. К этому поколению принадлежит и БМ.

5.

В сентябре 1967 года БМ стал стажером факультета социальной психологии Лондонской школы экономики, прикомандированным к Службе исследований аудитории Би-би-си. Таким образом, он оказался одним из первых советских социологов, получивших профессиональную подготовку в СССР и на Западе. Уже весной 1968 года состоялся его доклад о работе Би-би-си на коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению, где говорилось о профессиональных стандартах всех видов управленческой и творческой деятельности этой корпорации [4]. Тогда это считалось инакомыслием или, как называет это БМ, «разномыслием». В феврале 1969 года Фирсов досрочно защитил кандидатскую диссертацию по материалам изучения ленинградской телеаудитории. Через несколько лет результаты его исследования были опубликованы в книге, во многом определившей уровень разработки этой темы в Союзе [5].

«Не только для меня, — вспоминает БМ, — мамы и жены, на плечи которых легли многочисленные заботы о прокорме аспиранта-переростка, но и для большого числа моих друзей, телевизионщиков-сослуживцев, успешная защита символизировала победу над обстоятельствами, ответ на вызов судьбы» [1, с. 10]. Он решил заниматься исследованием процессов массовой коммуникации в СССР и за рубежом и в конце февраля того же года стал старшим научным сотрудником, а вскоре — заведующим сектором социальных проблем телевидения ИКСИ АН СССР.

Прошло десять лет, БМ обобщил большой опыт развития массовой коммуникации в мире, в 1979 году защитил докторскую диссертацию [6]. И мгновенно отошел от этой темы. Развивать идею человекоцентризма советского телевидения было бессмысленно, а пытаться передать советским партийно-государственным инстанциям мировой опыт функционирования прессы и ТВ — бесполезно. Через тридцать лет, комментируя принятое в те годы решение, он сказал:

«...успешная защита только усилила впечатление, что общественный спрос на серьезные исследования постоянно падает. Стагнация общественной жизни как системное заболевание социума не могла обойти социологию».

6.

В силу многих обстоятельств, отчасти потому, что к концу 1960-х КГБ стал обладать большей информацией о происходившем в стране и регионах, чем партийные структуры, в начале 1970-х годов Ленинградский обком КПСС решил завести свою информационную базу и, в частности, приступить к регулярному изучению общественного мнения рабочих и служащих города. Оказалось, что, кроме БМ, возглавить эту работу в многомиллионном городе было некому. На мой вопрос, почему ему, «не оправдавшему доверие партии», поручили создать систему сбора данных об общественном мнении, он ответил, что тогдашний партийный руководитель Ленинграда и области Г. Романов давно знал его лично и, кроме того, верх взяли прагматические соображения — всегда нужны люди, способные руководить созданием нового дела: «Так было всегда, вспомним опыт “шарашек”».

Именно тогда Высшая партийная школа, где я работал на кафедре, руководимой Андреем Григорьевичем Здравомысловым, который занимался в те годы партийной социологией, откомандировала меня в помощь БМ для участия в построении выборки и организации сбора данных, а также налаживании математической обработки информации. Могло случиться так, что мы сделали бы дело и разошлись. Но оказалось, что работа эта растянулась на много лет, а сотрудничество и дружба сложились «на всю оставшуюся жизнь».

До 1983 года было проведено полтора десятка исследований и создана уникальная технология, которая позволяла за 24 часа опросить 2000 человек на 200 предприятиях по выборке, использующей большую совокупность признаков, а также провести первичную обработку данных на базе счетно-перфорационной техники (сейчас многие уже не знают, что это такое) и подготовить оперативный отчет. В двух небольших статьях, написанных с нашим партийным куратором, мы немного рассказали о том, как осуществлялись опросы [7, 8], но сами результаты были засекречены.

Все скрывалось не только от населения, но и от ЦК КПСС. Когда помощникам Генерального секретаря Ю. Андропова стали известны некоторые данные ленинградских исследований, они запросили у обкома полную информацию. Однако им ничего не выслали; вместо этого было проведено расследование самого факта «утечки». О произошедшем сообщили Романову. В 1983 году наш проект был закрыт, а хранившиеся в «первом отделе» Института социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР материалы — изъяты. А

летом 1984 года, выдвинув смехотворные — даже по тем временам — аргументы, обком КПСС объявил БМ «строгий выговор с занесением в учетную карточку» (более строгим наказанием было только исключение из партии) и рекомендовал дирекции ИСЭПа освободить БМ от должности заведующего сектором. А лучше — вообще освободиться от него.

7.

Так БМ перешел в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. От него там ничего не требовали, он имел право получить несколько лет на вхождение в новую науку. Но БМ сразу определил себе научную тему — исследование массового сознания населения России по почти не обработанным материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Это очень обстоятельные ответы нескольких сотен представителей разных российских сословий на объемную анкету, позволяющую выявить многие черты образа жизни «российских крестьян-землепашцев» на изломе XIX–XX веков. Итогом стала необычная книга по культуре русского этноса [9].

Востребованность

8.

В начале 1980-х, когда руководство ИСЭПа уже объявило войну социологам, но наш сектор еще существовал, мы часто собирались по случаю дней рождения сотрудников, окончания субботников или в преддверии праздников. После нескольких чашек чая или ряда дружеских тостов начинались разговоры «за жизнь». Нередко БМ развивал такую тему: «Вот я скоро пойду на пенсию, возможно, дадут персональную... устроюсь вахтером в наш институт, буду летом и зимой при входе сидеть в валенках и шапке-ушанке и рассказывать, как “мы брали Зимний”...». До пенсии ему было далеко, но и в коридорах ИСЭПа, и в атмосфере общества в целом чувствовалась такая безысходность, бесперспективность, что нечто подобное вполне можно было допустить...

...Пришел апрель 1985 года, жизнь начала меняться. Вот что в начале 2000-х сказал мне БМ [1, с. 17–18]:

Я не герой перестройки и тем более не прораб, как плеяда моих друзей-шестидесятников. Я исполнил все ритуалы того времени — голосовал за Горбачева, пока не иссяк запас его интеллектуальной энергии и решительности, утром первого дня путча вышел из рядов КПСС, прошагав в ее рядах 39 лет, и естественно, без колебаний принял сторону Ельцина. Однако во мне созрело твердое убеждение перейти на позиции принципиальной беспартийности и не открывать беспроцентного кредита ни одному из лидеров страны, чье правление придется на последнюю половину моей жизни. К тому же

в момент, когда я получал последний, надеюсь, подзатыльник от местных властей, осенью 1984 г., я сказал самому себе: «Радуйся! Ты стал свободным от них».

9.

Но тут случилось непредвиденное. В 1988 году Президиум Академии наук поставил во главе Института социологии АН СССР Ядова, который был «выдавлен» из ИСЭПа еще раньше БМ. Нового директора спросили, какая помощь ему нужна. Он ответил: «Прошу создать филиал Института социологии в Ленинграде. 55 моих коллег томятся в неволе у экономистов из Института социально-экономических проблем АН СССР». Тогдашний президент Академии наук Г. Марчук отреагировал: «Пожалуй, в этом есть смысл. Давайте создадим филиал!». Вскоре Ядов поехал договариваться об организации филиала в ленинградский обком КПСС и при встрече сразу заявил: «У меня нет других кандидатур на пост директора-организатора филиала, кроме Фирсова». Его собеседник заметил: «Как так — Фирсов? Он же опальный! Он все еще ходит со строгим партийным выговором...». Ядов: «А сейчас время опальных!». «Да, вы правы», — ответил собеседник [10]. И директором филиала стал БМ.

По мнению БМ, 1989–1990 годы — единственные в истории советской социологии, когда эта наука оказалась востребованной. Еще все помнят начало 1990-х, когда деньги скукоживались вмиг, да и зарплату выплачивали нерегулярно. Но институт заработал и постепенно начал становиться на ноги.

Однако в начале 1995 года БМ оставил пост директора. На то были две причины: возникновение негосударственных форм научной и образовательной деятельности, открывавшее возможность для проявления инициативы, и драматическое падение интереса государства к науке.

10.

Когда в духе доперестроечной мечты БМ уже приближалось время вытряхивать из валенок и сдуть с ушанки нафталин, чтобы обустроиться в вахтерке, наступил, по его признанию, «самый самый и результативный период его профессиональной деятельности» [1, с. 19]. Был реализован проект, авторов которого первоначально считали городскими сумасшедшими, настолько нереальным казался замысел. В 1992 году, еще будучи директором социологической институции, БМ получил от тогдашнего мэра города А. Собчака предложение возглавить организационный комитет по созданию негосударственного образовательного учреждения, позже названного Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Это едва ли не единственный в России аспирантский колледж в области социальных и гуманитарных наук.

Я лишь год участвовал в регулярных вечерних посиделках «сумасшедших», но помню, что БМ всегда с благодарностью принимал все предложения относительно концепции будущего учебного заведения и содержания самых неожиданных курсов; однако он оставался неудовлетворенным и стимулировал продолжение поисков. Вот как он позже оценил сделанное [1, с. 19]:

Победило разномыслие, а вместе с ним и готовность рисковать во имя идеи и искать нетривиальные выходы из, казалось, непроходимых ситуаций. Победили новые принципы творчества и интеллектуального труда, которые стали возможны в постсоветской России и никогда ранее — в советское время. Извини за высокий слог, но речь идет о праве предлагать общественно-полезную идею и брать на себя полноту ответственности за ее воплощение в жизнь. Достигнув успеха на этих основаниях, ты испытываешь особое мироощущение человека, способного брать верх над обстоятельствами. Страха перед новизной и необычностью дела я не испытывал. Волновался, но это чувство сопровождает меня всегда.

Сначала БМ был ректором-организатором, а затем отслужил два срока ректором — с 1997 по 2003 г. Административная деятельность всегда оставалась у него на первом месте, научная — на втором, преподавательская — на последнем. Он решил наступить на горло собственной научной «песне» и при прочих равных условиях всегда отдавать предпочтение общеуниверситетским интересам. В течение всех лет, по его признанию, университет был для него Большой Целью, но никогда не средством.

Через год после вторых выборов БМ решил оставить ректорский пост и предложил избрать на это место лингвиста и антрополога Николая Вахтина, с которым все годы существования Европейского университета проработал вместе. Удивительно точное решение. Он — из того же «теста», что и его отец, Борис Вахтин, и БМ.

11.

Множество обязанностей ректора не помешали БМ сначала прочитать студентам ЕУСПб курс по истории советской социологии, а затем написать одну из первых в стране книг по этой теме [11]. Недавно я поинтересовался, что подтолкнуло его к изучению истории отечественной социологии. Такой ответ мог дать только человек, глубоко рефлексирующий над прожитым [3]:

Побудительный толчок, скорее всего, был связан с желанием вернуться к прошлому. <...> Возникло требование, адресованное, прежде всего, к самому себе: не стоять в стороне от публичного и гласного объяснения советской истории, от осмысления коллективного и индивидуального опыта жизни в советских условиях, тем более что научная моя профессия позволяла это сделать. <...> Книга

оказалась востребованной. Я продолжаю читать курс лекций для аспирантов-социологов, убеждаясь всякий год, что им нужны мои свидетельства и рассказы о былом.

Думается, что сказанное обосновывает справедливость моего утверждения о том, что мощная воля — один из ключевых компонентов «феномена Фирсова». Мне кажется, что одновременно приоткрылся и доминирующий мотив деятельности БМ в досоциологический и социологический периоды его жизни. Это — поиск социальной этики и стремление неукоснительно следовать ее императивам. Важнейшим этапом на этом пути стала его новая книга о разномыслии в СССР в годы, когда он сам пытался понять суть окружавшего его социального мира [12]. Она удивительным образом синтезирует в себе личное и общественное, черты научных трактатов и традиции мемуарной литературы. Местами это — исповедь человека, верившего в справедливость общественной системы, которую он вместе с другими шестидесятниками пытался улучшить, а потом — отказавшегося от коммунистической идеи. Это разномыслие, инакомыслие и есть проявление живого, мятущегося сознания БМ — второй главной составляющей «феномена Фирсова».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсов Б.М.* «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12. [См. также: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893545365654file.pdf>].
2. О разномыслии и инакомыслии в СССР. Б. Фирсов рассказывает о его новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 153–174.
3. Почти 40 лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2009. № 3 (в печати).
4. *Фирсов Б.М.* О некоторых направлениях в деятельности Британской радиовещательной корпорации. М.: Изд-во Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1968.
5. *Фирсов Б.М.* Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972.
6. *Фирсов Б.М.* Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977.
7. *Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М.* Изучение общественного мнения: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 23–32.
8. *Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М.* Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 78–85.

9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: по материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М. Фирсов и И.Г. Киселева. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.
10. *Фирсов Б.* Владимир Ядов. Сложен, но его понимает всякий // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2009. № 3. С. 5–6.
11. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2001.
12. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Издательство Европейского дома, 2008.